

Социальное пространство ЛИЧНОСТИ

Владислав Бачинин

ХАМ КАК ДЕВИАНТНАЯ ЛИЧНОСТЬ

Аннотация. В статье дан философский анализ проблемы хамства как особой социальной девиации. Хамство как девиация рассматривается с двух позиций – секулярной и теологической. Вскрывается катастрофичность мироощущения секулярного сознания. Социальные катастрофы обсуждаются через призму хамства. Поднимается проблема рассмотрения девиации как нормы.

Ключевые слова: хам, девиация, социальная норма, концепция греха, духовная инволюция, теология, секулярное сознание, остмодерн.

Abstract. This article provides philosophical analysis of the problem of rudeness as special social deviation. Rudeness as deviation is considered from two sides: secular and theological. It reveals the catastrophe of the attitude of secular consciousness. Social catastrophes are discussed through the prism of the rudeness. The author raises the problem of looking at deviations as norm.

Keywords: cad, deviation, social norm, the concept of sin, spiritual involution, theology, secular consciousness, ostmodern.

Социология хамства

В поле современной социологической науки существует много разных дисциплинарных направлений, предметом которых являются культура, политика, образование, право и т. д. Однако такого направления, как *социология хамства*, в ней нет. Так нам скажет любой социолог и... ошибется. Осмелюсь утверждать, что *социология хамства* не просто существует, но занимает весьма прочные позиции в современном социологическом дискурсе. Правда, ее статус не лишен некоторой парадоксальности, поскольку многие социологи уделяют немало внимания этому направлению исследований, сами того не ведая и выступая, таким образом, в роли мольеровского г-на Журдэна, говорившего прозой, но не знавшего, что он

говорит прозой. Такие дисциплины, как социология личности, воспитания, морали, молодежных субкультур и др., заставляют исследователей вольно или невольно соприкоснуться с темой хамства. При этом на самом феномене хамства внимание, как правило, почти не фиксируется. Между тем, он вполне заслуживает специального разговора.

Библейский Хам

Начинать этот разговор приходится издали, со времен, когда существовал человек по имени Хам, один из трех сыновей библейского патриарха Ноя, вошедший в историю как нарушитель основополагающей заповеди патриархальной нравственности и родового права, требовавшей чтить своих родителей. Вот как эта история представлена в Ветхом Завете, в книге Бытия: «Ной начал возделывать землю и насадил виноградник; и выпил он вина, и опьянел, и лежал обнаженным в шатре своем. И увидел Хам, отец Ханаана, наготу отца своего, и, выйдя, рассказал двум братьям своим. Сим же и Иафет взяли одежду и, положив ее на плечи свои, пошли задом и покрыли наготу отца своего; лица их были обращены назад, и они не видали наготы отца своего. Ной проспался от вина своего и узнал, что сделал над ним меньший сын его, и сказал: проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих» (Быт. 9, 20–25).

Поступок Хама – демонстрация изъяна в духовно-нравственной природе человека

Хам продемонстрировал своим проступком наличие серьезного изъяна в духовно-нравственной природе человека, и его имя стало впоследствии нарицательным, так что и по сей день оно употребляется при характеристике тех людей, чье вызывающее поведение идет вразрез с нормами цивилизованного общежития. Можно сказать, что в Хаме представлен не просто социальный тип нарушителя базовых нравственных требований, но архетип «человека девиантного», для дескрипции которого более всего подходит язык девиантологии.

Девиация – отклонение от устойчивых общественных норм

Данная теоретическая дисциплина изучает такие формы социального поведения индивидов и сообществ, которые являются девиациями, то есть отклонениями от устойчивых стереотипов, культурных образцов, общественных норм [1]. Девиантологи видят в нарушениях установившихся социальных стереотипов всеобщую форму существования разумных субъектов, необходимое условие мирового исторического процесса, социального бытия, развития разномасштабных человеческих сообществ.

Феномен девиации как способности малых и больших систем, живых организмов и социальных субъек-

Феномен девиации
и концепция греха

тов отклоняться от заданных траекторий развития был включен в картину мироздания еще в античности. Эпикур облек эту проблему в космологическую формулу учения об отклоняющихся атомах, представив их произвольные девиации как главное онтологическое основание существования человеческой свободы.

В контексте библейской антропологии феномен девиации оказался прочно связан с концепцией греха, понимаемого как нарушения личностью религиозных, нравственных и правовых норм. В Ветхом Завете содержание греха раскрывается при помощи восьми древнееврейских понятий с разными смысловыми оттенками: 1) «чата» – попадание в цель, отклонение от цели, то есть отклонение от требования Божественной воли; 2) «ра» – разрушение в природе, теле, духе; 3) «паша» – мятеж, бунт, возмущение; 4) «авон» – виновность в допущенной несправедливости; 5) «шагаг» – заблуждение, ошибка; 6) «ашам» – вина перед Богом; 7) «раша» – нечестивость как противоположность праведности; 8) «таах» – обман. В Новом Завете смысл греха раскрывают двенадцать греческих понятий: 1) «какос» – нравственный порок; 2) «понерос» – нравственное зло, исходящее от злых духов, бесов; 3) «асебес» – нечестивость как результат отхода от Бога; 4) «енохос» – виновность, заслуживающая суда или даже смерти; 5) «хамартия» – отклонение, промах мимо истинной цели, попадание в другую, нежеланную цель; 6) «адикиа» – неправда, неправедность, несправедливость; 7) «аномос» – беззаконие, вседозволенность; 8) «парабатес» – нарушитель юридических законов, преступник; 9) «агнозин» – невежество, следствием которого является поклонение ложным богам; 10) «пано» – обман, ложь; 11) «пароаптома» – нравственное падение, преступление; 12) «ипокрисис» – фальшивое учение, ложная идея, лжеучение. Таким образом, два понятия из двадцати, древнееврейское «чата» (отклонение от цели) и древнегреческое «хамартия» (отклонение от истинной цели) предполагают образ стрелы, выпущенной из лука и не попавшей в цель, и потому весьма близки по своему значению термину *девиация*.

Девиация как
признак разлада
человеческой души

С позиций теологии нарушения религиозно-нравственных норм, отклонения от них – сущностная составляющая бытия людей. Грех фигурирует в теологическом дискурсе как оценочное понятие, характеризующее тот тип человеческих деяний, который повсеместно распространен в мире, лежащем во зле. Каждая такая девиация свидетельствует о глубоком внутреннем разладе в строе человеческой души, о нарушении должной

Секулярное
и библейское
понимание хамства

соподчиненности элементов в ценностно-нормативных структурах индивидуального сознания. Эта разлаженность препятствует выстраиванию правильных отношений с окружающими людьми, с природной, социальной и духовной сферами бытия.

В современной культуре та девиация, которая именуется хамством, рассматривается, как правило, в двух основных ценностно-нормативных измерениях – секулярном и библейском. Так, секулярное сознание склонно называть хамством те формы бытового поведения, в которых отсутствуют малейшие признаки духовности и субъекты которых открыто демонстрируют свои имморально-деструктивные наклонности. Библейская подоплека данного феномена, секулярным сознанием, как правило, игнорируется. Что же касается сознания религиозного, христианского, опирающегося в своем мировосприятии на библейские основания, то оно признает присутствие в хамстве темной brutality, роднящей его с богоборческой, демонической реальностью. Для него Хам, как и первый убийца Каин, – это не просто отрицательные субъекты недолжного (греховного) поведения, но резиденты духа тьмы, отличающиеся дерзостью и склонностью к употреблению своего разума и свободной воли во зло себе подобным.

Д. С. Мережковский:
три лица Хама
в России

В России одним из тех, кто с повышенным вниманием отнесся к религиозной сущности хамства, был Д. С. Мережковский. Автор «Грядущего Хама» увидел в носителях хамства «мироправителей тьмы века сего», «духов злобы поднебесные». Он писал: «У этого Хама в России – три лица. Первое, настоящее, – над нами, лицо самодержавия, мертвый позитивизм казенщины, китайская стена табели о рангах, отделяющая русский народ от русской интеллигенции и русской церкви. Второе лицо, прошлое, – рядом с нами, лицо православия, воздающего кесарю Божие, той церкви, о которой Достоевский сказал, что она «в параличе»... «Архиереи наши так взнузданы, что куда хошь поведи», – жаловался один русский архипастырь XVIII века, и то же самое с еще большим правом могли бы сказать современные архипастыри. Духовное рабство – в самом источнике всякой свободы; духовное мещанство – в самом источнике всякого благородства. Мертвый позитивизм православной казенщины, служащий позитивизму казенщины самодержавной. Третье лицо, будущее, – под нами, лицо хамства, идущего снизу, – хулиганства, босячества, черной сотни, – самое страшное из всех трех лиц» [2].

В данном случае обращает на себя внимание ярко выраженная социальная направленность мышления Д. С. Мережковского. Для него все три типа хамства (неправовая государственность, византистский сервилизм православной церкви и черносотенная ксенофобия) – это именно социальные проявления «тьмы века сего», характерные для российской действительности.

Проблема хамства в русском социально-философском сознании

Если попытаться дать феноменологический (в гегелевском, а не в гуссерлианском смысле) обзор данных социальных типов, то легче всего это сделать на художественном и публицистическом материале. Прошедший первичную интеллектуальную обработку, облекшийся в характерные эстетические и рационально-аналитические формы, он, что называется, лежит на поверхности и сам просится социологам в руки. Тем более, что теоретический зачин уже осуществлен (Д. С. Мережковским) и остается только двинуться в обозначившемся направлении. При этом следует учесть, что в русском социально-философском сознании проблема хамства отчетливо обозначилась и вошла в пространство культуросоциологического дискурса в разгар эпохи модерна, в приближении настоящего шквала катастрофических событий, которым было суждено разрушить российский мир. Русский Хам шел по следам Хама библейского, в том числе путем бунта. И его бунт, временами страшный и беспощадный, а временами гнусный и отвратительный, придал особый аксиологический оттенок эпохе российского модерна.

Русский хам в образе «гнусного петербуржца» по Ф. М. Достоевскому

У русского Хама, сыгравшего главную роль в исторической трагедии гибели великой цивилизации, оказалось много имен, в том числе и литературных. Одно из них, «гнусный петербуржец», он получил от Ф. М. Достоевского. Писатель, попытавшийся постичь глубинную суть феномена хамства в культуре, истории и социальной жизни, создал в своих «Записках из подполья» образ человека с весьма неблагоприятной нравственной физиономией. Этот «гнусный петербуржец» (такова автохарактеристика героя «Записок из подполья») сравнивал себя с маленькой, злой мышью, которая сидит в своем темном подполье и оттуда злобно поносит весь мир. Но подполье, в понимании Ф. М. Достоевского, – это еще и образ-символ всего темного, что пребывает на дне человеческой души. Это подвал души, куда не проникает свет веры, добра и любви. Это маленькая преисподняя, которую человек носит в себе, где заперто все низменное, что есть в нем, и откуда исходит темная

энергия зла, заставляющая его нарушать божеские и человеческие законы – лгать, ненавидеть, красть, богохульствовать и т. д. Герой Ф. М. Достоевского признается в том, что ему никто не мил и никто не нужен, что его одолевает злость на всех людей и на весь мир. И он задается удивительным вопросом: «Вот, например, если надо будет выбирать – миру провалиться или мне чаю не пить, что выбрать? А ответ мой будет такой: “Пусть весь мир провалится, но мне чтобы чай всегда пить!” То есть весь мир не стоит одного стакана моего чая».

Философствующий
хам-интеллектуал

Ф. М. Достоевский существенно усложнил свою художественно-аналитическую задачу, создав образ отнюдь не примитивного хама, а напротив, хама-интеллектуала и даже философа. У него, кстати, после «Записок из подполья» появятся герои-хамы, чье «подполье» будет пребывать в чрезвычайной близости к поверхности их повседневной, социальной жизни. Таковы, к примеру, Рогожин из «Идиота» или капитан Лебядкин из «Бесов». Дикие, косноязычные, «подпольные» вирши последнего вылезают на поверхность в каком-то первозданно-утробном виде. У людей такого рода отсутствует пространство внутренней жизни, где бы темные, «подпольные» импульсы их грубых натур могли пройти рефлексивную обработку и обрести достаточно культурные формы. И вот они-то, вместе с вдохновлявшими их хамами-интеллектуалами, и явили собой тот тип «человека девиантного», которому предстояло стать ключевой фигурой, истоком и тайной русского, восточного модерна – *остмодерна**.

Новая редакция
«человека
беззакония»

«Скверномыслие» и «сквернодействия» героев *остмодерна* не ведали ни нравственных, ни религиозных ограничений. Так, нашему «гноусному петербуржцу» ничего не стоило вообразить самые умопомрачительные «мыслепреступления» – поджечь мир с четырех концов, превратить его в гигантский «теоморт», убив Бога, повторно распяв Христа. Ему ничуть не жаль России, потому что ему вообще ничего не жаль. Только на первый взгляд может показаться, что он не тянет на такую роль, но это первое впечатление обманчиво. Маленькая социальная личинка, описанная Ф. М. Достоевским, несла в себе зародыши будущих гигантских катастроф,

* Разницу мироощущений и культурных уровней героев *вестмодерна* и *остмодерна* довольно точно передает остроумная реплика Е. Н. Трубецкого, подметившего, что если в Европе черт имеет вид джентльмена со шпагой, в плаще и шляпе, то в России он выглядит как лохматое существо с хвостом, рогами и копытами.

Тотальный
деструктивизм
грядущего Хама

ибо это была новая редакция «человека беззакония», готового не строить, а разрушать, не насаждать, а вырывать насаженное, не сшивать, а раздирать, не собирать камни, а разбрасывать их.

Объяснить появление, а затем и широкое распространение социального типа, одержимого настроением тотального деструктивизма, можно, по всей видимости, тем, что уже вплотную придвинулась эпоха, обещающая «невиданные перемены, неслыханные мятежи». А ей требовались не только «гнусные петербуржцы», но также и «гнусные москвичи», «гнусные тамбовцы», рязанцы, нижегородцы и т. д., то есть множество мелких политических бесов, готовых превратиться в могучих демонов разрушения. Собирательный образ-тип русского грядущего Хама оказался как раз тем самым историческим персонажем, который и был готов проделать предстоящую «работу адову». Внешне незначительный, он, однако, нес в себе гигантский потенциал темного демонизма, готовность ради «стакана чая» опрокинуть и ввергнуть в хаос целый мир. И самым невероятным оказалось то, что он не только получил такую возможность, но и реализовал ее, превратив великую цивилизацию в мировой Скотопригоньевск.

Бытовое
остервенение

Остмодерн с характерной для него доминантой социокультурной аномии оказался временем, благоприятным для подобной метаморфозы. В постклассическом духовном пространстве, где начали распадаться духовные, религиозные, нравственные скрепы, соединявшие людей в цивилизованное сообщество, множество субъектов стали ощущать себя существами, выпавшими из некогда прочных нормативно-ценностных структур и оставшихся беззащитными перед одолевающими их «бесами» саморазрушения, безумия, вседозволенности, бытового остервенения. В это время становится обычным мироощущение, суть которого передают строки из поэмы «Возмездие» А. Блока:

И, встретившись лицом с прохожим,
Ему бы в рожу наплевал,
Когда бы желания того же
В его глазах не прочитал.

Катастрофичность
мироощущения
секулярного
сознания

Подобный тип коммуникативных ситуаций с доминированием в них самых примитивных и грубых эмоций отображает катастрофическое мироощущение секулярного сознания, которому казалось, что духовно опустошенный мир неудержимо скользит к губельному финалу, и потому уже нет никакой надобности в прежних нормах, ценно-

стях и смыслах. И подобное мироощущение становится едва ли не закономерным: когда человек оказывается внутри социального пространства, где мера наполняющего его зла избыточна, где деструктивные начала доминируют над конструктивными, аномия довлеет над законом и порядком, а нормы вытеснены девиациями и аномалиями, то это самым роковым образом влияет на личностные структуры индивидуального «я».

Хам как доминирующая фигура российского социального ландшафта

Шквал революций и войн начала XX века многое изменил в стране, но Хаму суждено было остаться доминирующей фигурой российского социального ландшафта. На обломках Российской империи возник новый мир насильственно упрощенных и чрезвычайно жестких социальных структур, заставлявших индивидов вписывать свое поведение в их дисциплинарные контуры. Эти структуры стали генераторами бесчисленного множества *антропологических катастроф*, в результате которых люди с деформированными, травмированными жизненными мирами превращались в носителей устойчивых психических, ментальных и поведенческих девиаций.

Процесс духовной инволюции

Один из современных критиков (Е. Лобков) резонно заметил по поводу известного высказывания Дмитрия Карамазова («Широк русский человек, слишком широк – я бы сузил»), что в XX веке для советской России пришло такое время, когда подобное «сужение» стало в ней одной из главных государственных задач. Масштабно организованный процесс духовной инволюции миллионов людей, социальный эксперимент их насильственного погружения в одномерность нравственного отупения удалась. Произошло то, о чем писал О. Мандельштам:

Он сказал: довольно полнозвучья, –
Ты напрасно Моцарта любил,
Наступает глухота паучья,
Здесь провал сильнее наших сил.

Социальные и личностные греховные структуры

Государство, создавшее множество механизмов тиражирования социальных типов, для которых девиантность стала их сущностью, само превратилось в цивилизационного макро-девианта. Чтобы охарактеризовать этот процесс на его сущностном уровне, недостаточно только лишь секулярных средств социогуманитарной аналитики. Сами собой напрашиваются те концептуальные ресурсы, которыми располагает теологический дискурс. Папа римский Иоанн Павел II, например, употреблял в своих посланиях понятие «*социальных греховных структур*», оказывающих гнетущее воздействие на высшие человеческих дарования, подавляющих способности и таланты людей, куль-

тивирующих их низменные наклонности. К этим структурам он относил коммунистическую систему, отягощающую социальную и духовную жизнь людей, привносящую в нее много темного и деструктивного. При этом он подчеркивал, что существование подобных надличных структур не снимает ответственности с самих людей, ибо, по своей сути, «греховные структуры» являются скоплением и концентрацией многочисленных личных грехов. «Это сугубо личные грехи тех, кто способствует и побуждает к беззаконию и даже использует его; тех, кто, имея возможность устранить, исключить или хотя бы уменьшить какое-либо социальное зло, не делает этого по беспечности, из страха или потворствуя закону молчания, по тайному сговору или по равнодушию; тех, кто ищет оправдания в мнимой невозможности изменить мир; а также тех, кто хочет уклониться от действий под предлогом причин высшего порядка» [3].

Религиозно-теологическая подоплека макросоциальных девиаций

Каждая серьезная макросоциальная девиация обладает собственным теологическим смыслом, выявление которого требует от аналитиков значительных духовных усилий, поскольку он, этот смысл, как правило, не очевиден, а от секулярного сознания вообще скрыт. Заключается же он в том, что у всех опасных социальных отклонений существует общее сходное основание: они указывают на определенный замысел Бога, допускающего их и стремящегося через них довести до человеческого сознания некие важные положения, открыть перед ним возможность понимания того, к чему иными путями оно придти не в состоянии. Допуская военные вспышки, политические убийства, геноцид, террористические акты и многое другое, Бог испытывает и воспитывает людей, дает им возможности переоценить привычные ценности, придти к новому пониманию вещей и, наконец, понять, чего же требует Творец от Своих творений. Такова религиозно-теологическая подоплека макросоциальных девиаций.

Вписанность произошедших мутаций в сверхкаузальную логику высшего возмездия

Один из принципиальных выводов, к которым приходит религиозное сознание при размышлениях об инволюциях-девиациях, ставших судьбой непосредственных участников создания и утверждения государства-девианта, – это мысль о вписанности произошедших мутаций в сверхкаузальную логику высшего возмездия. Что же касается секулярного сознания, то потребовалось несколько десятилетий, чтобы отдельные его носители смогли подойти к аналогичным выводам. Ярким примером этого может служить фильм Александра Сокурова

«Телец», зрители которого получили возможность ощутить, что перед ними разворачиваются картины какого-то необычного, не совсем земного мира. Все, что происходит на экране, видится, будто сквозь какую-то мутную, серовато-зеленоватую завесу. И это неслучайно, поскольку открывается, в сущности, зрелище безблагодатного мира, земного ада, куда уже при жизни попал его главный вдохновитель и творец. Все, что происходит на экране, говорит об одном: Бог, в существование которого не верят герои фильма, уже творит Свое возмездие над ними. Советский политический слоган «так умирают коммунисты» весьма точно характеризует то, что происходит с В. И. Ульяновым. Он умирает в сумеречной, гнетущей атмосфере: гибнет его душа, отвергнувшая Бога, распадается интеллект, разрушается тело. То, что он лишается дара речи, – факт, в котором присутствует воздающая символика высшего суда. Человек получил дар слова свыше и над этим даром непозволительно надмеваться. А В. И. Ульянов надругался над ним, превратив этот дар в мелкого картавящего беса разрушений и смертоубийств. Его провокационное, искусительное слово не создало, а несло гибель, разрушало великую страну, превращало ее в сумеречное подполье мировой цивилизации. И вот зритель видит, как это слово само распадается, лишается смыслов. Вырываясь из уст В. И. Ульянова, оно становится похожим на распавшуюся материю стиха Алексея Крученых:

Дыр-бул-щы
Убещур
Скун
Вы-со-бу
Р-л-эз

Одновременно это похоже и на то, что изобразил Иосиф Бродский:

Веко хватает пространство – как воздух жабра
Изо рта, сказавшего всё, кроме «Боже мой»,
Вырывается с шумом абракадабра.

И это даже не «паучья глухота» или немота, а нечто более устрашающее, уводящее восприятие в сферы темной метафизической реальности. Впрочем, это только начало возмездия: В. И. Ульянов еще не переступил черту, отделяющую жизнь от смерти, его душа еще не попала в настоящий ад, но на происходящее с ним уже невыносимо страшно смотреть.

Та же тема возмездия обрела несколько иной оттенок в смысловом пространстве, связанном с восприяти-

ем массовым сознанием романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Я имею в виду феномен почти «всемирной любви» миллионов неискушенных читателей к мессии Воланду. Небывалая в истории мировой культуры массовая симпатия миллионов людей к сатане объяснялась ими самими, как правило, при помощи доводов, будто Воланд – это воплощенная справедливость. И действительно, у М. А. Булгакова мессир губит в первую очередь отнюдь не праведников, а откровенных нечестивцев. Но за сценами подобного рода скрывается то, к пониманию чего массовое сознание начало приближаться лишь значительно позже.

Репрессии как «бич Божий»

Когда после распада СССР вскрылась глубинная подоплека коммунистического режима и массы узнали об истинных мотивах деятельности «архитекторов» и «прорабов» тоталитаризма, когда стало возможным обнародование библейско-христианских оценок богоборческой деятельности миллионов советских коммунистов, то образ И. В. Сталина и сталинские репрессии предстали в несколько ином свете. Многие носители не только религиозного, но и секулярного сознания увидели в репрессиях нечто, весьма напоминающее «бич Божий», орудие возмездия, обращенное в первую очередь против самых активных инициаторов «социалистического строительства», против тех, кто был наиболее предан «делу партии». В этих репрессиях содержался элемент справедливой кары за содеянное с народом, за тот социальный кошмар, в который погрузили его коммунисты. Получается, что И. В. Сталин, при всем его несомненном демонизме (релевантность его образа и образа Воланда в массовом сознании – безусловный факт), выступил в данном случае орудием высшего возмездия, чья истребительная деятельность существенно сократила как число приверженцев коммунизма в стране, так и историческую продолжительность коммунистического века.

Трагическая ирония истории остмодерна

Трагическая ирония истории *остмодерна*, то есть восточного, русского модерна, состояла в том, что большевистское государство и российское православие оказались чем-то вроде сямских близнецов, прочно приросших друг к другу. Каждый из них воспринимал другого как нечто враждебное, мешающее его нормальному, самостоятельному существованию и вместе с тем совершенно неотъемлемое, полная ликвидация чего была бы для него крайне нежелательна. Оба смотрели в противоположные стороны, имели перед собой разные картины мира, но душу имели одну, преисполненную

гордыни, ксенофобии, негативного настроения по отношению к западному миру с его апологией свободы, либеральных ценностей, достоинства человека и его естественных прав. Оба и слышать не желали о том, что творческим началом истории является свободный человеческий дух. Оба не воспринимали историю как продвижение по пути обретения духовной свободы. Оба видели в национализме и имперстве что-то свое, родное, ради утверждения чего не жаль ни сил, ни средств. Оба являли собой хотя и разные по сути, но сходные по присутствующим им состояниям *девиантные макросистемы*. Обоих роднили бесчисленные девиации, уведшие их далеко в сторону от магистральных направлений развития цивилизованной государственности в первом случае и истинно христианской церковности во втором.

Связь православия и хамства

Но если связь неправового государства с процессами производства и тиражирования структур массового *хамосознания*, казалось бы, очевидна, то относительно православия у многих могут возникнуть резонные возражения против того, чтобы каким-то образом связывать его с хамством. Ведь в первом присутствовало откровенно деструктивное начало, ввергавшее миллионы людей в состояния антропологических катастроф, а второе является одной из правомерных исторических форм старого, доброго классического христианства. Чтобы не прикрываться философским авторитетом Д. С. Мережковского, а действительно объяснить суть связи между православием и хамством, необходимо учитывать, по меньшей мере, два обстоятельства. Первое заставляет нас вспомнить о том, что библейский Хам, конечно же, не был атеистом. Сын Ноя веровал в Бога, и на нем, как и на всем семействе его праведного отца, пребывало Божье благословение, спасшее их от потопа. И даже за совершенный проступок проклят был не сам Хам, находившийся под обещанной Богом защитой, а только его потомство.

Идеал, норма и девиация как формы социального позиционирования религиозности

В каждом типе религиозности имеются три основные формы ее социального позиционирования – идеал, норма и девиация. В случае с Хамом налицо последняя. К сожалению, за две тысячи лет истории христианства девиантное поведение верующих, будь то православные, католики или протестанты, не было редкостью. В отдельные исторические периоды оно распространялось чрезвычайно широко и превращалось едва ли не в доминирующую социальную форму свободного волеизъявления. Становились возможными совмеще-

Проблема
восприятия
девиации как нормы

ния, казалось бы, несовместимого. Впрочем, для религиозного сознания в этом совмещении не было и нет ничего необычного, поскольку они вполне соответствуют основным положениям библейской антропологии и, прежде всего, учению о поврежденности человеческой природы, о присутствии греховного начала в *каждом* человеке, а значит и о предрасположенности каждого верующего к тем или иным ментальным, вербальным и поведенческим девиациям. Иное дело – отношение государства и общества ко всем этим отклонениям. Одно, когда девиации воспринимаются ими соответственно их сути, то есть как аномалии, и совсем другое, когда они расцениваются как *нормы*.

Несомненно, что ментальные, вербальные, поведенческие девиации, проявляющиеся в религиозной среде, наносят огромный вред христианским конфессиям в общественном мнении. Они искажают облик православия, католичества, протестантизма в глазах неверующих, порождают превратные представления о христианах, препятствуют толерантным отношениям и продуктивным диалогам между представителями разных вероисповеданий. Ведь нередко случается, что девиации принимаются не за аномалии, чем они являются по своей сути, а за проявления некой скрытой сущности, которую представителям данной конфессии, будто бы, не удастся замаскировать. То есть на оценочных уровнях совершаются явные подмены, подстановки, опасные по своим последствиям для духовного состояния общества в не меньшей мере, чем сами девиации.

1. Гилинский Я. И. Девиантология. – СПб., 2004; Девиантология в России: История и современность. – Тюмень, 2003; Девиантность и социальный контроль в России (XIX – XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. – СПб., 2000; Змановская Е. В. Девиантология: психология отклоняющегося поведения. – СПб., 2001; Социальный контроль над девиантностью в современной России. – СПб., 1998.

2. Мережковский Д. С. Грядущий Хам. Не мир, но меч. – Харьков; М., 2000. – С. 324–325.

3. *Reconciliatio et panitentia*. – 1984. – 16.